

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СРЕДСТВА ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА (обстоятельственное определение)

Обстоятельственное определение является синтаксической категорией, близкой обстоятельству образа действия. Оно также способно выражать качественную характеристику процесса, занимая периферийное положение в системе качественных и качественно-количественных характеристикаторов процесса. Различие между обстоятельственным определением и обстоятельством образа действия относится к плану выражения, а не к плану содержания, что позволяет между выражающими их конструкциями усматривать отношения транспозиции [4, 125-126]. Наличие обстоятельного значения в обособленном определении подтверждается его способностью сочетаться с обстоятельствами в однородном ряду членов предложения:

Bardamu, qu'il me fait alors gravement, et un peu triste, nos pères nous valaient bien, n'en dis pas de mal!... (19, 16).

В отличие от обстоятельств образа действия, обстоятельственные определения характеризуются формально выраженной (грамматически или лексически) связью с подлежащим. Синтаксические и смысловые связи двух данных синтаксических категорий могут быть представлены следующим образом [4, 124-125]:

Схема 1. Обстоятельство образа действия

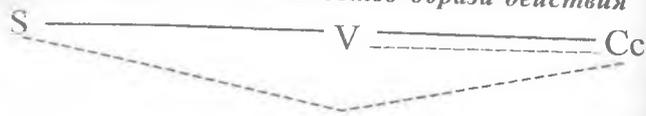
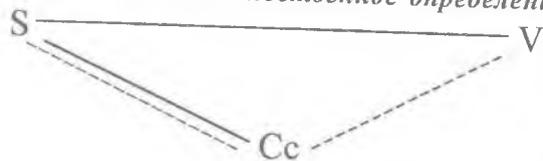

Схема 2. Обстоятельственное определение

где S – подлежащее (*sujet*); V – глагол-предикат (*verbe*); Cc – обстоятельство (*complément circonstanciel*); сплошная линия обозначает формальную связь, пунктирная – смысловую.

В схеме 2 наглядно представлена формальная связь с подлежащим и одновременная отнесенность обстоятельственного определения к подлежащему и сказуемому, которую обычно отмечают для данной категории (см., напр.: [5, 265]).

Сравнивая тип инцидентности прилагательного, наречия на *-ment* и несогласованного прилагательного, Ж. Муанье отмечает, что качественное наречие на *-ment* характеризует действие вместе с субъектом либо с результатом действия, безаффиксальное адвербиализованное прилагательное в употреблении типа *chanter faux* характеризует результат действия, а согласованное прилагательное относится лишь к субъекту [13, 178-179].

Однако, как представляется, прилагательное или причастие (как правило, в обособленной позиции) в функции обстоятельственного определения для выражения значения образа действия можно сравнить с качественным наречием в плане глубинных семантических связей, которыми они обладают в предложении. Так же как и наречие, способное одновременно характеризовать и действие (процесс) и субъект в момент совершения действия, согласованное прилагательное или причастие, относясь к субъекту, могут одновременно характеризовать и действие.

Обособленная позиция прилагательного или причастия имеет грамматическую и семантическую значимость. Некоторые лингвисты рассматривают подобные прилагательные и причастия как экстраполированные члены предложения [3, 54]. Обособленное определение обладает полупредикативным значением и осложняет свое определительное значение сказуемым. Наличие большой смысловой нагрузки в обособленных членах предложения особенно четко выявляется при сопоставлении их с необособленными членами. Так, если, например, необособленный причастный оборот имеет только определительное значение, не осложненное дополнительным смыслом, то в обособленной позиции тот же причастный оборот осложняется дополнительным обстоятельственным значением. Определение осложняется дополнительным смыслом и в результате получает полупредикативное значение. Полупредикативные отношения легко переводятся в предикативные при замене причастного оборота придаточной частью предложения [2, 245].

В этой связи уместно также привести наблюдения А.А. Потемни. Сопоставляя предложения: *Босая девица вышла на мороз*; *Девица, босая, вышла на мороз* и *Девица вышла босая на мороз*, А.А. Потемня приходит к выводу, что определение (*босая девица*), приложение (этот термин употребляется в широком значении) (*девица, босая, вышла...*) и атрибут в сказуемом (*вышла босая*) различаются следующим образом: "Определение и приложение означают признаки, уже данные в определяемом прежде, чем возникает действие; атрибут в сказуемом есть признак, возникающий вместе с действием или посредством его" [8, 122]. Кроме того, приложение имеет в зародыше отношения противительное и уступительное: *босая, а вышла*; *хотя босая, но вышла*, которые отсутствуют в собственном определении [8, 122].

Все отобранные нами случаи употребления обстоятельственного определения можно разделить на две группы в зависимости от наличия или отсутствия у выполняющих эту функцию слов коррелятивного наречия на *-ment*. Около половины исследованных прилагательных имеют коррелят на *-ment*. При этом прилагательные совпадают, в ос-

новном, с коррелятивными наречиями (в случае их наличия) по лексическому содержанию:

– *Tes trente gosses, ça t'effraie? répliqua Louise, très sèche (14, 198)*
Bruno raccroche, sèchement (14, 354).

В употреблении подобного рода речь может идти о вариантах выражения одного и того же содержания с разницей лишь в грамматическом оформлении характеристики процесса, а отсюда и в первоочередности отнесенности характеризатора процесса к субъекту или глаголу-предикату.

Вместе с тем, следует отметить и те случаи, когда смысловые структуры прилагательных и соотносительных с ними наречий на *-ment* не совпадают либо по числу значений, либо по характеру значений, в связи с чем в конкретном контексте для характеристики процесса используются именно прилагательные. Ср.:

Confus, -e, adj.

– 1. *Dont les éléments sont mêlés de façon telle qu'il est impossible de les distinguer.*

2. *Qui manque de clarté; dont la complexité ou l'incertitude sont telles que la compréhension en est gênée.*

– 3. *(Personnes). Qui est embarrassé, soit en raison d'une faute commise, soit par modestie, par pudeur.*

(Choses, actions). Qui exprime la confusion.

Confusément, adv.

D'une manière confuse (1. ou 2.)

Однако более чем в половине случаев всех обстоятельственных определений, отобранных нами в художественных текстах, прилагательные и причастия не имеют коррелята на *-ment*, что объясняет их использование вместо качественных наречий-обстоятельств образа действия. Прежде всего, это причастия прошедшего времени и отглагольные прилагательные, не способные транспонироваться в наречия:

– *Qu'est-ce que c'est? Qu'est-ce qu'elle emporte? fit Madame Mère, vivement redressée (17, 345);*

Ils riaient tous les quatre. Julien les regardait, un peu hébété (20, 181).

Подробнее о семантических и "формальных" ограничениях способности прилагательных и адъективных причастий образовывать наречия на *-ment* см.: [13, 184-192; 12, 107-112].

Анализ коммуникативной значимости обстоятельственных определений подтверждает тезис Л.Теньера о том, что "шкала синтаксической важности слов находится в обратном отношении к шкале семантической важности. Чем ниже расположено слово на синтаксической шкале, тем больше у него шансов оказаться существенным для смысла предложения" [9, 54]. Напомним, что Л. Теньер представляет отношения между членами синтагмы или предложения в виде стемм, в которых синтаксические связи направлены сверху вниз, т.е. от подчиняющего слова к подчиненному, а семантические – снизу вверх.

В зависимости от семантики прилагательного или причастия, а также глагола-предиката обстоятельственное определение описывает или характеризует:

– внешний вид субъекта в момент совершения действия:

Ceci dit il se leva et partit faire un pipi et puis encore un tour les mains derrière le dos, vouûté (19, 42);

– положение (позу) субъекта:

Je me souviens qu'à un moment j'ai ouvert les yeux et j'ai vu que les vieillards dormaient tassés sur eux-mêmes (18, 19);

– эмоциональное состояние субъекта:

Effrayés, ils lorgnent tous un père à qui ces regards tiennent chaud (17, 364);

– внешнее проявление эмоционального состояния субъекта:

Revenir seule, mais c'est de la folie, Paule! protesta faiblement papa, aussi blanc que nous (17, 77);

– чувства-отношения субъекта:

Je reviens, dédaigneux (17, 150);

– манеру речи:

Vous savez très bien qu'il ne s'agit pas de ça, reprit Mme Hombourg, cassante, presque indignée (14, 70);

– фонетические и просодические характеристики речи:

M. Astin se lève et dit, rauque:

"Aucune importance" (14, 287).

Качественные прилагательные составляют "своего рода эталон предикатов" [1, 39], в наибольшей степени обладая признаками, характерными для классических предикатов. Наличие у значения прилагательных таких свойств, как: субъективно-оценочные коннотации, "объективность", социальность вызываемого представления при известной вольности, субъективности и индивидуальном варьировании употребления; способность присоединять модальные значения; допустимость градуирования [1, 39], объясняет большой прагматический потенциал данных языковых единиц.

Межъязыковой анализ показал, что при переводе на украинский и русский языки французское обстоятельственное определение имеет весьма разнообразные соответствия. Прежде всего, в обоих языках перевода – это идентичная синтаксическая структура – обособленное определение:

Vexée, du tac au tac, elle me confia qu'elle ne m'aurait point reconnu moi dans la rue, tellement que l'âge m'avait ridé, gonflé, caricaturé ... (19, 270) – Роздратована, Лола зрештою не завагалась признатися, що на вулиці не впізнала б мене, бо літа додали мені зморщок, карикатурно роздули моє тіло (32, 163) – Раздраженная, слово за словом, она доверительно сообщила, что на улице она меня вообще бы не узнала, настолько возраст изморщишил меня, сделал одуловатым, придав мне карикатурный вид (33, 204).

Французскому обстоятельному определению (на уровне частей речи) в переводе соответствуют также:

– наречие (наиболее частотное соответствие и в украинском, и в русском переводах, почти вдвое превышающее по употребительности прилагательное, деепричастный и причастный обороты):

– *Qu'est-ce que c'est? l'arrêta net le colonel, brutal, dérangé, en jetant dessus ce revenant une espèce de regard en acier (19, 26-27) – Що це? – гостро запитав полковник, невдоволений, що йому заважа-*

ють; його очі мов пропікали прибульця наскрізь (32, 25) – Что такое? – грубо остановил его обеспокоенный полковник, бросая на это привидение некое подобие стального взгляда (33, 37).

деепричастие, деепричастный и причастный обороты:

Fidélia, indignée, a déjà entraîné Vic, atteint la grille, sorti sa clef (16, 62) – Не тямлячись від обурення, Фіделія відтягла Віка, підійшла до хвіртки й дістала ключа (24, 46).

– *Dard? répéta Aubin, très intéressé, mais ne parlant pas craonnais (17, 385) – Ельцов? – повторил Обэн, очень заинтересовавшись, но не понимая кранского наречия (26, 405).*

Причастия, употребляемые в функции обстоятельственного определения, являются адъективированными формами и, соответственно, обладают качественным значением. Вместе с тем, в зависимости от различных условий, они способны сохранять свои свойства глагольной формы. Иными словами, причастия выражают два вида признаков: временной (локализованный во времени) и вневременной (всевременной – широко или вообще нелокализованный во времени), с которым связывают понятие качественности [6, 100]. Это объясняет передачу причастий в украинском и русском языках в большинстве случаев при помощи деепричастий, деепричастных и причастных оборотов.

Далее по частотности использования следуют такие переводческие соответствия, как:

– существительное с предлогом:

Les feuilles s'entassaient sur la table et la ménagère songeait, amère: "Avant la guerre, on vendait les carottes équeutées" (15, 65) – Купка морквиння більшала, і Марі з гіркотою подумала: "До війни моркву продавали без ботвиння" (25, 80).

– *Auriez-vous froid, ma chère Juliette? demanda le vieux monsieur, inquiet (21, 111) – Не холодно ли Вам, дорогая Жюльетт? – с тревогой спросил старик (28, 97).*

– прилагательное (в функции определения и агрибута в сказуемом):

– *Quoi? Que reste-t-il? questionnait-elle, horrifiée (19, 347) – Чого? Чого лишилося? – питала нажахана стара (32, 207).*

Je vous comprends! fait Monique, épanouie (17, 301) – Я вас от-лично понимаю! – ответила ликующая Моника (26, 316).

- существительное в творительном падеже с определением:

Chez nos amis, répliqua Marylène, enjôleuse (elle se dit qu'elle venait d'être enjôleuse) (22, 65) – До наших друзів, – відповіла Марілен чарівним голосом (вона думала, що була чарівною) (29, 264).

"Ils ne doivent pas figurer dans la conversation des gens normaux!" affirmait-il, défensif et péremptoire (19, 523-524) – Их нельзя упомянуть в беседах нормальных людей! – утверждал он категоричным, не допускающим возражений тоном (33, 371).

-- глагол:

– *Ma parole, tu n'as pas l'air contente! grogna Maurice, scandalisé* (15, 67) – Ты что, недовольна? – обурився Морис (25, 80).

– *Vas-y, dis tout! fit Salomé, très raide* (17, 396) – Саломея словно оцепенела. – Ну, давай выкладывай все! – сказала она (26, 416).

- простое предложение:

Delmont regarda ses pieds, écœuré (23, 83) – Дельмон опустил очи, він відчував огиду (30, 46) – Дельмон уставился в пол, ему было противно (31, 78).

Системы украинских и русских переводческих соответствий французского обстоятельственного определения обнаруживают значительное сходство, как в качественном, так и в количественном отношении, т.е. практически совпадают по составу и по частотности использования в переводе приведенных выше средств. Вместе с тем, в фактическом языковом материале зафиксированы случаи передачи исследуемых единиц средствами, имеющими место в переводе лишь на один из языков. Так, обстоятельственное определение передается:

– существительным в функции приложения (в переводе на украинский язык):

A chaque arrivée du Papaoutah il allait attendre optimiste et sceptique des équipements complets pour ses effectifs (19, 197) – Щоразу, коли припливала "Папаута", Грана, оптиміст і скептик водночас, чекав повного комплекту спорядження для своїх вояків (32, 121);

– существительным - прямым дополнением (в переводе на русский язык):

Bruno plissa les yeux. Puis le nez à terre, tâtant le terrain, pansant la plaie, habile, sincère, ému, au choix, ou le tout ensemble, il répondit de biais: "Pour toi, n'est-ce pas, c'était ma mère" (14, 281) – Бруно прищурился. Потом опустил глаза, подыскивая нужные слова, чтобы не разбередить моих ран; не знаю, чего здесь было больше: осторожности, взволнованности, самых искренних чувств, но ответил он уклончиво: – А разве для тебя самого не была счастьем моя мать? (27, 564).

Как видно из приведенных фактологических данных, французскому обстоятельственному определению в украинском и русском языках соответствует, прежде всего, обстоятельство образа действия, выраженное наречием, существительным с предлогом и существительным в творительном падеже, т.е., по терминологии В.Г. Гака [4, 13-14], транспозиционные структуры. Перестройка в переводе всего предложения и, соответственно, замена обстоятельственного определения другим членом предложения позволяет считать прилагательное в функции необособленного определения и атрибута в сказуемом, существительное-приложение, глагол-предикат, существительное в функции прямого дополнения и целое предложение трансформационными структурами.

С точки зрения анализа перевода все выявленные соответствия, за исключением прилагательных и причастий в функции обстоятельственного определения, следует считать переводческими трансформациями. При этом, как видно уже из приведенных выше примеров, в большинстве случаев они не сводятся лишь к грамматическим преобразованиям, а представляют собой целый комплекс структурных и семантических преобразований.

Особого внимания заслуживают переводческие трансформации, произведенные для достижения эквивалентности на семантическом уровне [10, 84-85], поскольку в подобных случаях затрагивается не только грамматическая структура предложения, но имеют место бо-

лее сложные лексико-грамматические и семантические преобразования. Так, ср.:

Je reviens, dédaigneux (17, 150) – Я возвращаюсь с презрительной улыбкой (26, 158).

В переводе произведены лексическая и грамматическая трансформации, а именно: *dédaigneux* переведено прилагательным *презрительный*, для которого во французском языке есть эквивалент *méprisant* "презирающий, полный презрения, презрительный"; обстоятельственное определение передано обстоятельством образа действия. Кроме этого, имеет место трансформация, основанная на метонимическом сдвиге - признак, относящийся в оригинале к субъекту, передается в переводе через признак, характеризующий проявление эмоционального состояния субъекта. В данном случае такое преобразование оправдано в силу невозможности сочетания в русском языке признака, выражаемого прилагательным *dédaigneux*, с глаголом движения *revenir*. К подобным трансформациям относятся также приведенные выше примеры, в которых переводческим соответствием обособленного прилагательного и причастия является существительное в творительном падеже с определением.

Несовпадение норм семантического согласования рассматриваемых языков приводит также к восстановлению отсутствующих в оригинале элементов устойчивых выражений, как, например, в переводе предложения:

Lulu Maublanc, pâtreux, demanda soudain:

– *Lartois! Bien que tu sois de l'Académie, tu sais peut-être encore quelque chose* (21, 230).

Люлю Моблан, с трудом ворочая языком, неожиданно спросил:

– *Лартуа! Хоть ты и академик, но, быть может, еще не все позабыл?* (28, 196)

Ни одно из словарных значений прилагательного *pâtreux, -euse*, а именно: 1) вязкий, клейкий; густой, 2) мутный, нечистый, 3) тяжелый, путанный (о слоге), 4) одутловатый, не может характеризовать субъект. В связи с чем, в переводе приведено выражение *еле ворочать язы-*

ком, соответствующее французскому *avoir la langue* (или *la bouche*) *pâteuse*.

Благодаря переводческим трансформациям может более ярко проявляться коммуникативная и экспрессивная значимость прилагательного. Так, в случае:

– *Tant mieux, tant mieux! admet M. Rezeau, presque déçu* (17, 264)

– *Тем лучше, тем лучше! – подхватывает мсье Резо довольно-таки кислым тоном* (26, 270)

использование прилагательного *кислый* в сочетании с существительным *тон* в аналитической конструкции в качестве соответствия нейтрального прилагательного *déçu* ("разочарованный") вполне оправдано, учитывая ироничное отношение главного героя трилогии Э.Базена "Семья Резо" к своему отцу. О роли наречий и их функциональных эквивалентов в создании экспрессивного плана художественного текста см.: [7, 120].

Адекватная передача смысла, содержащегося в предложении с обстоятельственным определением, в некоторых случаях требует модификации всей структуры предложения. Ср.:

Un éclair sale traversa la pièce: Marie jetait sa lavette sur l'évier, se retournait, électrique, effarée (15, 65) – *Мари удалось, нибди в кімнаті сяйнула блискавка, а її вдарило електричним струмом. Вона кинула губку і обернулася* (25, 80).

Здесь переводческие преобразования оправданы необходимостью однозначного описания ситуации: занятая хозяйством и погруженная в свои мысли, героиня слышит возглас мужа о том, что они выиграли 550 тысяч франков в розыгрыше облигаций. Переводческие преобразования способствуют точному представлению состояния персонажа.

Проведенный внутриязыковой и межъязыковой анализ позволяет сделать следующие выводы.

Французские прилагательные и причастия в функции обстоятельного определения являются периферийным средством выражения характеристики процесса, употребление которых вместо наречия на *-tent* обусловлено причинами как лексико-грамматического, так и коммуникативного характера.

Свойства, присущие прилагательным, как признаковым словам во многом определяют их коммуникативную значимость и экспрессивные возможности.

В межъязыковом аспекте, прежде всего (отвлекаясь от переводческих преобразований, детерминированных лексико-семантическими, стилистическими и прагматическими факторами), следует отметить, что переводческие соответствия французского обстоятельственного определения в привлеченных нами для анализа языках перевода в основном не выходят за пределы имеющейся в их распоряжении системы средств выражения качественной и качественно-количественной характеристики процесса.

Использование в переводе различных средств характеристики процесса при наличии в языках перевода эквивалента обстоятельственного определения объясняется причинами как языкового, так и неязыкового характера, среди которых основными для данного случая являются следующие: грамматическая природа исследованных единиц, их полупредикативный характер, коммуникативный и экспрессивный потенциал, несовпадение норм сочетаемости исходного языка и языков перевода, стилистические факторы, необходимость адекватной передачи в переводе коммуникативной интенции автора.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М.: Высш. шк., 1991. – 432 с.
3. Веденина Л.Г. Французское предложение в речи. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.
4. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. – М.: Высш. шк., 1965. – 378 с.
5. Илия Л.И. Синтаксис современного французского языка. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1962. – 384 с.

6. Карпенко Е.Ю. Семантика качественности препозитивного причастия // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы VIII Междунар. конф. по функциональной лингвистике (Ялта, 1-6 октября 2001). – Симферополь, 2001. – С. 100-102.
7. Маринашвили М.Д. Экспрессивная функция наречных квалификаторов процесса (на материале оригиналов и переводов современной французской художественной прозы) // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – 1999. – №. 3-4. – С. 118-123.
8. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. – Т. I-II. – М.: Гос. учпедгиз, 1958. – 536 с.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
11. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Société du nouveau Littré, 1973. – 1970 p.
12. Lozinska M. La formation des adverbes en -ment dans le français contemporain. – Warszawa: Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1978. – 120 p.
13. Moignet G. L'Incidence de l'adverbe et l'adverbialisation des adjectifs // Travaux de linguistique et de littérature, publiés par le Centre de Philologie et des Langues de l'Université de Strasbourg. – 1963. – 1. – P. 175-194.

Художественные тексты

14. Bazin H. Au nom du fils. – Paris: Editions du Seuil, 1960. – 380 p.
15. Bazin H. Le bureau des mariages. Chapeau bas. – Moscou: Editions du Progrès, 1970. – 207 p.
16. Bazin H. Un feu dévore un autre feu. – Paris: Editions du Seuil, 1978. – 222 p.

17. Bazin H. Vipère au poing. La mort du petit cheval. Cri de la chouette. – М.: Editions du Progrès, 1979. – 526 p.
18. Camus A. L'étranger. – Paris: Gallimard, 1957. – 180 p.
19. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit. – Paris: Gallimard, 1952. – 632 p.
20. Clavel B. La grande patience. I. La maison des autres. – Paris: Laffont, 1962. – 558 p.
21. Druon M. Les grandes familles. – Kiev: Dnipro, 1976. – 384 p.
22. Lainé P. La dentellière. – Paris: Gallimard, 1974. – 180 p.
23. Merle R. Derrière la vitre. – Paris: Gallimard, 1970. – 540 p.
24. Базен Е. І вогонь пожирає вогонь / Пер. П. Соколовського. – Київ: Дніпро, 1983. – 175 с.
25. Базен Е. Нічого не трапляється / Пер. Я. Коваля // Всесвіт. – 1984 – № 2. – С. 77-81.
26. Базен Э. Змея в кулаке / Пер. Н. Немчиновой. Смерть лошадки / Пер. Н. Жарковой. Крик совы / Пер. Н. Брандес и А. Тетеревниковой. – М.: Прогресс, 1982. – 512 с.
27. Базен Э. Ради сына / Пер. Р. Закарьян, Г. Сафроновой // Базен Э. Собр. Соч.: В 4-х т. – Т. 2. – М.: Худож. литер., 1988. – С. 405-621.
28. Дрюон М. Сильные сира сего / Пер. Я.З. Лесюка, М.С. Кавтарадзе, Ю.П. Уварова. – М.: Политиздат, 1991. – 334 с.
29. Лене П. Мережниця / Пер. П. Федосенка // Таким було наше кохання: Сучасна французька повість. – К.: Дніпро, 1985. – С. 239-316.
30. Мерль Р. За склом / Пер. Г. Філіпчука. – Київ: Молодь, 1978. – 327 с.
31. Мерль Р. За стеклом / Пер. Л. Зониной. – М.: Прогресс, 1972. – 365 с.
32. Селін Л.-Ф. Подорож на край ночі / Пер. П. Таращук. – К.: Юніверс; Харків: Фоліо, 2000. – 368 с.
33. Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи / Пер. А. Юнко, Ю. Гладина. – Кишинев: Axul-Z, 1995. – 446 с.